

КиноПоиск представляет интервью с Гаспаром Ноэ, режиссером фильма «Необратимость», без которого уже невозможно представить историю современного кино. Нынешний разговор с Гаспаром пойдет о его последней работе «Вход в пустоту».

Гаспар, это фильм о любви или о смерти?

— О существовании, о жизни, в которой есть и любовь, и смерть. В равной степени для абсолютно каждого человека. Что самое удивительное, человек набивает шишки и продолжает жить. (Смеется.) А когда человек начинает умирать, делать это ему совсем не хочется. И вот в процессе этого умирания такой фильм как раз и прокручивается в его голове — фильм про то, как он прожил свою жизнь, что пережил и как любил.

— Кто появляется в конце фильма, когда показывается момент родов?

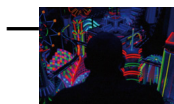
— Это образ собирательный. Многие считают, что это сестра, но для меня это символ реинкарнации, возможно, его мать. Скажу так: лично я считаю, что это мать.

— То есть у зрителя есть вариант, как понять это появление загадочного образа в фильме?

— В сценарии не было четко прописано, мать это или сестра. И поэтому я специально подобрал актрису, похожую одновременно и на мать, и на сестру, и мы специально сделали нечеткое изображение.

— Уже по предыдущим фрагментам понятно, что в привязанности героя к сестре обнаруживается его подлинная привязанность к матери.

— Все закономерно: герой умирает, и ему хочется опять оказаться в руках любящей матери и выпить детское молоко. (Улыбается.) Когда он видит сестру с другим, образы сливаются в один транзитный, и уже его мать появляется перед глазами. Кстати, моя мама обожала Тарковского. Мы часто вместе наблюдали за своими отражениями в зеркале. Мне кажется, что у Тарковского одна и та же актриса исполняет роли матери и сестры. Так что этот эффект путаницы — он сделан продуманно и специально.

Почему местом действия фильма выбрана Япония?

— Япония — это нечто необыкновенное! Когда приезжаешь в Японию и просто идешь и гуляешь по улице, возникают совершенно сюрреалистичные ощущения. Люди вокруг говорят на совершенно непонятном языке, и ты чувствуешь, что оказался в

неизведанном месте, ты абсолютно потерявшийся. Мне было 18 лет, когда я открыл для себя эту страну. Токио в моем понимании — это как большой парк аттракционов, только для взрослых. (Смеется.) Так что вполне можно поверить в то, что, когда юноша прибывает в Японию, его ждут какие-то невероятные приключения. Вдобавок необычность места изолирует героев, в результате чего они оказываются в своей оболочке, в своем замкнутом пространстве. Вокруг страна, которую они совершенно не знают.

— Получается, что жизнь в Японии не привела героев к счастливому финалу...

— Они просто-напросто не смогли управлять создавшейся ситуацией. Это часто происходит с людьми, причем по всему миру. Герой полностью уверен, что делает все возможное, чтобы быть счастливым. Но у него просто не получается. Естественно, он не хочет быть каким-то неудачником, но герои не в состоянии оценить все те риски, с которыми им предстоит столкнуться и, проще говоря, выбрать правильный путь.

— Как вы снимали сцену с колесами над городом?

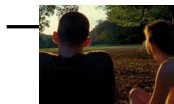
— О, ну тут все просто — компьютерная графика. (Смеется.) Снимали реальные фотографии, приклеенные к специально построенным серым трехмерным конструкциям. А потом в получившуюся картинку уже с помощью компьютера добавлялись и машины, и маленькие человечки, которые появляются в кадре. Мне очень нравится делать подобные эффекты — так много вариантов, которые можно варьировать, и всегда есть из чего выбирать.

А как происходит работа над подобными эффектами?

— Ну, конечно же, все выполняет специально нанятая группа специалистов. Я как арт-директор руковожу процессом, заявляю, что хочу того или этого, а они все исполняют. Раньше в моих фильмах я редко сталкивался с подобными задачами. А свой первый фильм я делал вообще полностью самостоятельно: и монтаж, и работу с негативами пленки. Ну, а в данном случае все уходит в коробку, иначе говоря, в компьютер, и происходит уже там, в этом небольшом замкнутом пространстве. И для меня это все какая-то абракадабра. Правда, время от времени я подумываю о том, чтобы все-таки научиться работать с современной аппаратурой. (Смеется.) Ведь так приятно делать все самому. Когда самостоятельно выполняешь какую-то работу, получаешь ни с чем не сравнимое ощущение удовлетворения. Например, в предыдущем своем фильме я лично монтировал звук. А тут вот, в этом фильме, использовали специальную программу. И для меня это было просто ужасно. (Смеется.) Я постоянно расстраивался, что не могу соединить вместе свое собственное видение кадра и его звучания. Поэтому у меня только один вывод из всего этого: чем больше знаешь о технике создания своего фильма и владеешь ей, тем приятнее жить. Конечно же, этот фильм полностью

отражает мои идеи, но тем не менее это результат работы большого числа людей. Наш специалист по спецэффектам ранее работал в очень интересных проектах: «2046», «Бойцовский клуб» и «Матрица». Так что наш фильм очень сложный, и в нем множество специальных эффектов.

Как вы работали с детьми?

— (Смеется.) Ну, я просто показал девочке один фильм из семидесятых. Там боксер умирает от полученных травм. Юный герой того фильма на протяжении получаса рыдает с экрана и говорит: «Не умирай, не умирай, не оставляй меня». А у нас на съемочной площадке к тому же все время присутствовала мама этой девочки, которая все ей подсказывала и руководила процессом работы ребенка. Так что я просто спросил: «Юная леди, ты сможешь сыграть лучше, чем мальчик в том фильме, что я тебе показал?» Она ответила, что сможет. И она верещала в течение 3-х часов без перерыва. (Смеется.) И при этом была очень довольна вызванным всеобщим вниманием. Чудесная, умненькая девочка.

— Вас не смущает, что из-за жестоких сцен фильм сильно ограничен в прокате?

— Не считаю, что фильм такой уж шокирующий. Зрители его приняли довольно-таки хорошо. Вспомните, например, «Необратимость» — фильм, в высшей степени раздражающий нервы зрителя, но при этом прекрасно принятый публикой и ставший очень популярным. Могу сказать, что я просто задаю себе вопрос: «Что ты хочешь увидеть на экране?» И именно это и делаю. Я предпочитаю говорить обо всем открыто, а не завуалировано.